

Семь дней — 1997 —
№ 1-2 — С.В. —
10.

Новый год для Ильи Олейникова и Юрия Стоянова — праздник святой: после первой же совместной встречи Нового года родился их «Городок».

СТОЯНОВ

-Мы познакомились в канун 91-го и решили встречать Новый год вместе — семьями. Творили совершенно безобразные вещи: пародировали наше телевидение — «До и после полуночи», Урмаса Отта, международников из передач типа «Я и Эйфелева башня». И все это засняли на любительскую видеокамеру. А когда на трезвую голову посмотрели, то увидели, что мы с Ильей неплохо смотримся. Так и появилась мысль что-то делать вдвоем на телевидении. С тех пор в новогоднюю ночь мы стараемся найти хоть час друг для друга. Считаю это приметой, которой нельзя пренебрегать.

— *Что вы дарите друг другу?*

— Я Илье, как правило, — много хороших зажигалок. Он их теряет, стреляет, ворует. Я в свою очередь теряю сумки с документами, деньгами, паспортами. Он в прошлом году подарил мне красивую сумку со словами: «Это тебе дня на два». У меня привычка дурацкая — пока вожусь с сигнализацией в автомобиле, кладу на крышу машины портмоне, шапки зимние, радиотелефоны, оставляю и трогаюсь с места. И все слетает. Сейчас у меня автомобиль со специальными выемками на крыше — клади и хоть весь день можно ездить.

— *Что же это за марка такая?*

— Огромный семиместный «Меркурий виладжер». Но он относительно мой, потому что все время я вожу в нем Олейникова уже шесть лет. Ни одного обкомовского работника не возили так на халаву, как его.

— *В сознании народа вы уже не можете существовать друг без друга. Как Дед Мороз и Снегурочка, Красная Шапочка и Волк.*

— Вы еще Ромео и Джульетту вспомните. Звонят нам недавно из одного журнала: «Давайте мы вас сфотографируем Дедом Морозом и Снегу-

рочкой». Причем, кто Снегурочка, всем понятно. Эта тема меня доконала. Тут еще письмо пришло от зрителей: «Хорошо бы Юрию Стоянову сыграть женщину, кормящую младенца грудью». В общем я устроил Олейникову скандал: «Хватит. Десять передач женщин играть не буду!»

— *Интересно, вы при первой же встрече с Олейниковым поняли, что он ваша судьба?*

— Да вы что? Я же жениться на нем не собирался. Ничего особенного не произошло, когда я увидел усатого, полупьющего человека. Гром не грянул, я не покраснел. И сердце даже не екнуло. Вот когда я женщину вижу, случается такое. Мы встретились на съемках одного фильма. Причем принесли много еды и выпивки одновременно. Выяснилось, что мы в один день родились — июля.

— *Не в один год?*

— Есть ощущение, что мы одногодки? Мы родились с разницей лет этак в десять.

— *И тем не менее, по-моему, у вас очень похожие судьбы.*

— Мы сейчас написали с Ильей книжку. В ней каждый рассказывает, как пришел к «Городку». И когда мы прочитали то, что написал другой, увидели, что у нас с разницей в десять лет случались почти одинаковые истории. По атмосфере. В школе, в армии. Теперь редактор в затруднении: «Давайте либо у него что-то выкидывать, либо у вас». Южное детство (у меня одесское, у него кишиневское) очень похоже.

— *Вы были злым хулиганом?*

— Нет, я не поджигал школы. Но в 10 классе лихо умел передразнивать почти всех учителей. Если меня выгнали из класса, я прятался за колонну и голосом директора школы громко говорил: «Каким же надо быть дегенератом, чтобы взрослого красивого парня выгнать в коридор». Открывалась дверь, вылезал наш учитель истории со словами: «Юрочка, що такое? Зайди, пожалуйста, в класс». Я копировал голос своей мамы, которая была завучем в этой же школе. Заходил в радиорубку и ее голосом мог, например, сказать, что уроки окончены, и отпустить всех домой. Отец чувствовал, что я на подсту-

ИРА, ЮРА, ДУНЯ И ИЛЬЯ —
ВМЕСТЕ ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ!

ИЛЬЯ И ЮРОЧКА — ДЕД МОРОЗ

пах к водителям, и страшно боялся, что это плохо кончится.

— *Ваш отец был партийным деятелем?*

— Он был гинекологом. Вся Одесса знала, что Юрочкин папа работает в «органах». Моя спальня была кабинетом отца, а в нем — две тысячи томов. Двойная внематочная беременность, фиброма матки... Видите, как я терминологией хорошо владею! Потом папин кабинет превратился в читальный зал нашего класса. И мы все думали тогда: «Неужели ЭТО так ужасно?»

— *Сколько вам было лет, когда вы женились?*

— Первый раз — неполных 19. Я еще был студентом ГИТИСа. Она училась со мной вместе, но на театроведении. В 91-м мы развелись.

— *Чем занимается ваша вторая супруга?*

— Мною. Она по профессии литературный редактор. Долгое время работала в БДТ, там же, где и я. Затем в издательстве. А потом, когда я встал на ноги, свою Дуню оттуда забрал. Ира олейниковская, кстати, тоже нигде не работает. Она у него — инженер-химик.

Моя жена маленькая красивая, умная женщина. У нее, правда, с географией проблемы. Я ей звоню как-то с гастролей и слышу, телефонистка говорит: «Вас вызывает Вышний Волочек». Она отвечает: «Я ни с каким Вышним Волочком не знакома и разговаривать не буду». Для нее это, как Сухово-Кобьлин, двойная фамилия.

— *Жена Ильи похожа на васу?*

— Она другая. Высокая, очень волевая, собранная. Двух мужиков тянет — там еще сын. Кстати, Илья на самом деле Клявер. Олейникова — девичья фамилия его жены. Когда Ира вышла за Илью замуж, то честно взяла его фамилию. А когда Илья пошел работать на эстраду, взял ее фамилию в качестве

псевдонима. Таким образом единственный в семье еврей стал Олейниковым, а единственная в семье Олейникова стала Клявер. Так она сама говорит: «Я ему подарила фамилию, а он мне — национальность».

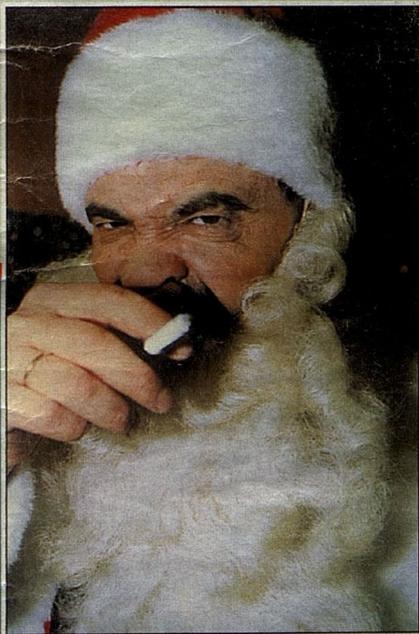
В наших отношениях с Ильей никогда не было даже намека на конфликт, связанный с женами. Они понимают, что для работы важны наши хорошие отношения.

— *А вообще вам с ним трудно?*

— Мне с самим собой трудно. Он не может обидеть вообще никого. Если он со мной смог проработать пять лет — значит, хороший человек.

— *Любовь народа к вам не знает границ?*

— Вам вешдоки нужны? Встречи с оркестром, сотни девочек с цветами у трапа — такого не бывает. И фан-клубов у нас нет, но принимают нас хорошо. Вот однажды хозяин замечательного ресторана «У Палыча» в Нижнем

И СНЕГУРОЧКА

Новгороде ради нас закрыл для посетителей свое заведение. И в это время приходит негр. Или, как сейчас принято говорить, чернокожий мужчина. Прилично одетый. К нему подбегает официантка и начинает объяснять на очень плохом английском: «Экскьюз ми, ол тейбл из резервейт, сори, рашн тиви «Городок» — вери бест стар Олейников энд Стоянов». Он постоял, почесал в затылке и говорит на чистом русском: «Х...во». Мы заинтересовались, подходим к нему: «Что ты тут делаешь?» Оказалось, он на шоколадной фабрике работает. Я спрашиваю: «Кем? Инженером?» А он отвечает: «Инженером».

— *С вами веселые истории, наверное, случаются на каждом шагу?*

— Для веселых историй мы придумали «Городок». Но это не те истории, которые мы собираем из собственной невероятно веселой жизни. Это — защитная реакция нашего организма на очень невеселую жизнь.

ОЛЕЙНИКОВ

— *Юра рассказал про свое детство. Маму, папу. Теперь ваша очередь.*

— У меня мама всегда сидела дома, а папа и его брат дядя Абраша вместе в 60-е годы тырили кожу с завода, на котором работали. И все молдавские кустарные сапожники приезжали к нам домой и покупали кожу у папы по дешевке. Вот так папа кормил нашу семью. И не только. При том, что он безумно любил маму и меня, он был человек «гулливый». Поэтому на папины деньги жило много народу. Причем на широкую ногу. И мама всегда кричала: «Левка, тебя когда-нибудь возьмут». Мамка оказалась пророчицей — папку замели. Сначала взяли дядю Абрашу, как раз в тот момент, когда он передавал кожу молдаванину. Их застучали и повезли в троллейбусе в ОБХСС. А троллейбус был переполненный. Дядя Абраша ехал со свертком и в замешательстве передал

его рядом стоящему вместо 4-х копеек на билет. Тот передал следующему — и по цепочке дошло до водителя. А он, не разобравшись, выкинул сверток в окно. Обэхэээсники в полном трансе потом спрашивают: «А где кожа?» Дядя Абраша им: «Не было у меня никакой кожи. Это провокация!» Добрые люди сообщили папе, что завтра к нам придут с обыском. За ночь из нашей квартиры было вывезено все дорогостоящее имущество, все остальное было сломано и разбито. Папа кричал: «Лучше никому, чтобы им». Расхерачил холодильник, сервант. А потом начал палить кожу — а ее ж было много! Такое ощущение, что у нас в доме заработал маленький крематорий... Последние слова папы на суде были: «Прошу вам дать мне возможность служить на благо советского родина!» На суде выяснилось, что папа имел один класс образования, хотя работал замом главного инженера на заводе. Он не брился неделю, вытащил себе зубы. Судьи чуть не заплакали, когда увидели этих двух братцев. В общем, дали им два года условно. Потом папа вернулся домой и сказал: «Зачем я всю

эту мебель ломал, идиот такой!»
 — *С вашим папой скучать не приходилось? Думаю, что и от вас рыдала вся школа?*

— Что вы? Я был уравновешенным мальчиком — таким тихим двоечником. Тихим настолько, что надо мной любили подхихмить. У нас был такой Моня в классе, человек с большой головой. Он занимался классической борьбой, на соревнованиях его все время валили, а в школе он оттягивался — в основном на мне. Борясь со мной, он понимал, что у него не все потеряно в спортивной жизни. Однажды он меня припечатал к парте так, что я распахнулся и поднял эту парту (не знаю, откуда взялись силы) и шуранул об большую голову Моня. С тех пор меня зауважали и больше никто в классе ко мне не приставал.

— *А потом вы поступили в эстрадно-цирковое училище?*

— Да, я попал на отделение эстрады, клоунады, речевых и музыкально-эксцентрических жанров. У меня была совершенно жуткая дикция. Меня взяли и решили, что сделают из меня мима или молчащего клоуна. А наш педагог

по сценической речи Нина Николаевна Губанова полтора года со мной билась, и я заговорил «по-русски».

— *Наверняка студенческие годы были боевыми?*

— Цирковое училище — это же сумасшедший дом. То, что мы там устраивали в общежитии, страшно вспомнить.

— *Неужели оргии?*

— Да такие, что древним римлянам было бы стыдно за свою наивность, если бы они пришли в наше мужское общежитие. Цезарь бы посчитал себя недоразвитым мальчуганом. Помню, у нас однажды случился пожар. Общага была двухэтажная, деревянная. Комнат на восемь. И вот эта маленькая общага 9 мая сотрясалась от того, что в ней происходило. И вдруг робкий девичий (!) голос закричал: «Пожар!» Мы решили, что это шутка. Потом, когда весь первый этаж заорал «Пожар!», все стали срочно десантироваться. И вывалилось такое количество баб на двадцать мужиков! Полуголые мужики на виду у этих пятидесяти девиц начали тушить пожар, возбужденные — в том смысле, что совершают подвиг на их глазах. Директор училища Волошин, когда к нему пришел комендант и сказал: «Надо как-то ребят наградить за героизм на пожаре», ответил: «Я им дам по червонцу, они потом напьются и сожгут вообще все». И он был прав.

— *Как же вас после циркового в Питер занесло?*

— Я выступал на гастролях в Кишеневе с ансамблем «Улыбка». Но она была такая беззубая — ансамбль ужасный... И я на фоне этой «Улыбки» сверкал. В городе Славянске я высмотрел в первом ряду девушку в розовой кофточке. А я тогда был сексуально озабоченным юношей. В 73-м году. И я со сцены стал подавать ей всякие сигналы, чтоб она осталась после концерта. Было такое количество подмигиваний, что

ИНФОРМ ЭКСКОМ

Поздравляем Вас с наступающим Новым годом!

Мгновенная пейджинговая связь

Адрес: Москва, Ленинский пр., 15
 Тел.: (095) 239-1212
 Факс: (095) 958-2293

она подумала, что я просто больной. Может, она и осталась потому, что решила, что меня подлечить надо. Но я же тогда не знал, что подмаргиваю своей будущей жене. Потом она два раза приезжала ко мне в большие гастрольные поездки по селам Советского Союза — в города меня выпускали редко. Вот там в гостиничных номерах и зародилось большое чувство. А Ира жила в Ленинграде. И хотя я хотел вернуться обратно в Москву, но решил, что Ленинград тоже неплохо.

— *И сделали предложение?*

— Я ей позвонил, сказал: «Давай поженимся». Она как-то не сопротивлялась. Я забрал все свои вещи, которые у меня были в Кишиневе — пару штанов и бочонок с вином. Со всем этим богатством приехал в город на Неве знакомиться с ее родителями. Мама была просто потрясена, когда увидела, сколько я выпил из этого бочонка (пил-то я от волнения). К тому же мать ее приготовила антрекоты по случаю моего приезда. Я сожрал штук пять — опять же на нервной почве. Представляете такого жениха, который выпивает три литра вина, съедает пять антрекотов — при этом без копейки денег. В общем, некоторое смятение в душу будущей тещи я внес... А сейчас у нас совершенно идеальные отношения.

— *Значит, с тещей вам легко, а со Стояновым? Он человек трудный?*

— Не простой. Но нам нормально работается вместе. Он мирится с моими недостатками, я — с его. Как Юра сам говорит, он — человек повышенной нервной возбудимости. Но более доброго человека, чем Стоянов, в жизни я никогда не видел.

ему нес. В результате он сказал: «Снимайте сколько угодно, только оставьте меня в покое». И вот мы совершенно бесцеремонно идем по музею и вдруг встречаем Сергея Шолохова, который снимает «Тихий дом». Он говорит: «А что это вы тут делаете?» Я: «Передачу снимаем». Он: «А сколько вы заплатили?» Я: «Нисколько». Он: «Как?» Я: «Да вот так!» Он: «А я на тыщу фунтов попал!» Мы ему сильно испортили настроение. Я потом специально посмотрел его передачу — такая вялая была. Очевидно, он так и не смог прийти в себя.

Потом, когда мы там уже все отсняли, пошли в зал, где стоят Ельцин, Горбачев, Ленин. Меня Ирка моя решила сфотографировать и говорит: «Замри!» Ну, я рядом с Лениным примостырил-

— *Вы общаетесь с утра до вечера. Отдыхаете тоже вместе?*

— Нет. Мы должны хотя бы полтора месяца не видеть друг друга. И потом, от любой заграницы я устаю — две недели и все. Кроме Парижа и Лондона.

— *Помню, вы в Лондоне даже «Городою» снимали.*

— В нашем отеле в Лондоне был такой надменный портъе. И вот однажды утром выходим из номера, а он спрашивает пренебрежительно: «А теперь куда?» Я говорю: «В Музей мадам Тюссо». Он: «Зачем?» Я: «Как? Ты что, в газетах не читал? С нас же мерку сняли — собираются там ставить». Он был так потря-

сен, что, когда мы вернулись, стелился по полу. Наверное, до сих пор нас там ищет. Кстати, съемка в музее стоит 600 фунтов в час. А у нас денег-то не было — мы же все делаем на шару в нашей передаче. И вот пришел я к директору музея. Через переводчика обрушил на них такой каскад слов: «Когда мы снимем эту передачу, к вам повалит огромное количество народу из России, а в России сейчас столько денег! Представляете, там все пользуются только дорогими французскими духами. Когда к вам поедут богатые русские, которые посмотрят нашу передачу, у вас будет стоять такое амбре...» Полную фигню я

ся и застыл минуты на полторы. И подходит какой-то мужик — англичанин. Внимательно смотрит на Ленина, Ельцина, на меня. Долго так смотрит. Потом я просто взял и пошел.

— *А он?*

— Офигел.

— *Грядет Новый год. Что вы пожелаете Стоянову?*

— Мы настолько с ним плотно связаны, что желая ему, я желаю себе. Поэтому я желаю нам, во-первых, здоровья, а во-вторых, терпения, везения, и... хотения желания.

Беседовала Марина ДЕНИСОВА
Фото Сергея ИВАНОВА

«В ЭТОЙ ШУБКЕ
ТЫ У МЕНЯ, КАК ПЬЕХА!»

